

Н. ЗОРКАЯ

Сатирический спектакль

Небольшая подмосковная дача. На бревенчатой стене — потемневшая картина, где кистью какого-то доморощенного Ватто запечатлена дебелая «пастушка» в пышных фижмах. Под поголком мирно дремлет в своей клетке попугай.

Тихо... Ничто не тревожит покоя летнего дня...

И вдруг все засуетилось, смешалось, пришло в движение. Гремит торжественный марш, отбиваемый на расстроенных клавинодах. Молоденькая горничная торопливо усыпает цветами красующийся в середине террасы диван с горой подушек. Подтянувшись, как перед смотром, замерли на месте сухопарый старик в потрепанном сюртуке и молодой человек с туповатым лицом, в костюме, представляющем собою радужную смесь васьковского фрака и желтого в букетик жилета, увенчанных пронзительно розовым бантом. Их взоры прикованы к садовой аллее, ведущей к террасе, и мы, с невольным нетерпением вглядываясь туда же, видим, как из-за пышных кустов сирени показывается... вытянутый палец. И хотя одновременно с ним появляется и его владелец, высокий, немолодой уже мужчина фатоватой наружности, мы понимаем, что главное в данный момент сосредоточено именно в этом или на этом пальце. Он торжественно и как-то особенно значительно поднят вверх и находится примерно на уровне носа пышнотелой дамы, которая томно опирается на другую руку своего спутника, точнее висит на ней всей тяжестью. И дама, и мужчина, и все находящиеся на террасе смотрят на палец предельно внимательно, с благоговейным восторгом.

В чем же дело? Что за странный обряд свершается перед нами?

Ответ на это дает первая же реплика, которой разряжается длительная пауза:

— Ко-зя-во-чка!!!

Да, на торжественно вытянутом пальце сидит обыкновенная козявка. Она отличается от прочих лишь тем, что ее собственноручно поймала Агнеса Ростиславовна Карелина, помещица, владелица здешних мест — та самая дама, которая, приближаясь к нам, любуется невинным насекомым так сентиментально-умиленно, что вот-вот разрыдается...

Козявочка полетела! Долгое молчание. С томной грустью машет ей рукой Агнеса Ростиславовна, и прощальным приветом взлетает в воздух носовой платок ее спутника. Карелина усталой походкой направляется к дивану и осторожно, будто фарфоровую статуэтку, укладывает себя на благоуханное ложе...

Это — одна из сцен нового спектакля Центрального театра Советской Армии «Мастерица варить кашу» Н. Г. Чернышевского, острая сатирическая картина скучающего барства.

«Мастерица варить кашу» — это название впервые появилось на театральной афише. Написанная Чернышевским в сибирской ссылке и сыгранная товарищеским любительским кружком политкаторжан, пьеса впоследствии никогда не ставилась, казалась «несценичной» и была забыта.